

— Он унаследовал пост Бессмертного владыки Тяньюань девять лет назад, получив передачу силы. Но его тело не смогло выдержать это, поэтому он растёт медленнее обычных людей, — пояснил Чжэуа.

— А... — Хуа Буюй кивнул, задумчиво следуя за ним.

Теперь понятно, почему его поведение не вызвало подозрений у Цзи Цаншэна — этот парень сам был чудовищем!

Чжэуа, проснувшись утром и увидев, что Хуа Буюй тоже встал, поручил ему задание:

— Тахуа, срежь пару веток османтуса и поставь в воду. Когда пойду кормить учителя, возьму их с собой.

— Учитель не позавтракает перед тем как пойти? — спросил Хуа Буюй.

Чжэуа странно посмотрел на него:

— Учитель не сказал тебе, что вчера он должен был отправиться в Долину Уединения?

Хуа Буюй:

— ?

— Учитель ушёл в Долину Уединения вчера вечером.

Хуа Буюй:

— ...

— Эх, не знаю, как там учитель, — Чжэуа снова начал вздыхать. — Тело учителя и так не в лучшем состоянии. В Долине Уединения любой практикующий теряет свои силы и становится обычным человеком. Кроме того, там постоянно витает холодный воздух. Без духовной энергии защита тела сильно страдает.

Услышав это, Хуа Буюй невольно содрогнулся.

Он знал только, что в Долине Уединения все практикующие теряют свои силы. Но не знал остального.

Зная, что вход туда — огромный вред и пытка, почему Цзи Цаншэн один взял на себя эту ношу, не раскрыв место захоронения потомков клана Шэньнун?

Хуа Буюй ясно понимал: все страдания Цзи Цаншэна были из-за него.

Он даже представил, как Цзи Цаншэн в одиночестве идёт в место, куда не хочет ступать ни один практикующий.

Почему?

Хуа Буюй вдруг почувствовал растерянность. Имя Цзи Цаншэна всегда ассоциировалось у него с событиями прошлой жизни. Но теперь он не видел в нём и следа того злодея.

— Ах! — внезапный крик Чжэуа прервал его мысли. — Мне нужно идти. Когда сорвёшь цветы,

отправляйся на Пик Цзысюй. Учитель уже договорился с бессмертным Пика Цзысюй.

— Хорошо, — Хуа Буюй кивнул и пошёл за своей маленькой корзинкой.

— Двух веток достаточно, больше не пронесёшь, — Чжэуа оставил это замечание и ушёл.

Хуа Буюй остался в замешательстве. Разве Цзи Цаншэн не наказал себя сам? Почему его не смогут пронести? Неужели его действительно будут считать преступником?

Ответов на эти вопросы у него не было. Собравшись с мыслями и поправив одежду, он отправился в рощу османтуса.

За несколько дней цветов стало больше. Те, что ещё не полностью раскрылись, было сложно срезать. Хуа Буюй потратил много времени, чтобы найти две подходящие ветки.

Поставив ветки османтуса в комнату Чжэуа, он не стал спешить с докладом, а сначала спустился с Горы Бессмертного Сна в столовую для внешних учеников.

В это время там уже было мало посетителей — внешние ученики, в отличие от внутренних, не обладали высоким талантом и условиями, им приходилось быть усерднее.

Управляющая столовой Вторая госпожа Ван, уже видевшая Хуа Буюя раньше, радушно позвала его:

— Малыш, иди сюда!

Она приготовила для него отдельное блюдо. Во-первых, любила детей. Во-вторых, Хуа Буюй был единственным внутренним учеником, который всё ещё ел здесь.

Да к тому же — закрытым учеником Бессмертного владыки Тяньюань.

Хотя её называли второй госпожой, Ван была женщиной лет тридцати. Она ласково попросила:

— Ешь медленно, хорошо?

Затем достала тёмно-красный обеденный ящик:

— Завтрак для твоего учителя. Обязательно проследи, чтобы он съел его, прежде чем уйти. Молодые не знают цены завтраку!

Казалось, за этим стояла какая-то история. Хуа Буюй не стал спрашивать, а смотрел на неё большими ясными глазами, выражая любопытство.

Вторая госпожа Ван растаяла:

— Малыш, как тебя зовут?

— Тахуа, — ответил Хуа Буюй с детской непосредственностью.

— Тахуа, не бери пример с твоего учителя! — она строго сказала. — Когда он только пришёл, завтрак для него был как смерть. Если не ходить за ним в комнату учеников и не тащить сюда, он убегал тренироваться. Падал в обморок несколько раз, но так и не исправился!

Она смягчила тон:

— Маленький Тахуа, помни: как бы ни был занят, обязательно завтракай. Иначе не вырастешь!

Хуа Буюй, вспомнив, кивнул. Хотя он и не стоял рядом для сравнения, в прошлой жизни Цзи Цаншэн был почти на голову ниже его!

— Хорошо, — он послушно кивнул, взял обеденный ящик и попрощался.

Когда Хуа Буюй вернулся в комнату учеников, Чжэуа ещё не было. Он посидел некоторое время, записал наставления второй госпожи Ван на листочек и отправился на Пик Цзысуй.

Пик Цзысуй находился не ближе всех к Горе Бессмертного Сна. Но Высший бессмертный Цзысуй был самым справедливым человеком. Цзи Цаншэн, доверив ему Хуа Буюя, не беспокоился.

И действительно: ученики в какой-то степени отражают характер учителя. Хуа Буюю почти не пришлось прилагать усилий, чтобы найти Высшего бессмертного Цзысуй.

Этого человека он немного помнил — тот был самым ярким противником того, чтобы Цзи Цаншэн наказывал себя, отправляясь в Долину Уединения.

Высший бессмертный Цзысуй, обсуждая что-то с учеником, увидел маленькую фигуру и подозвал:

— Ты пришёл.

Ученик, стоявший спиной, повернулся. Хуа Буюй почему-то подумал о вежливом молодом человеке, совсем не похожем на практикующего.

Юноша слегка улыбнулся. В глазах мелькнула насмешка, но она мгновенно исчезла. Хуа Буюй почувствовал: этот парень полон коварства.

— Высший бессмертный Цзысуй, — он поклонился. — Ученик Бессмертного владыки Тяньюань, Тахуа, прибыл с докладом.

Высший бессмертный Цзысуй, человек строгих правил, даже в таком простом деле, как приём ученика другого учителя, провёл Хуа Буюя через все формальности, хотя в зале, кроме них троих, никого не было.

У него было много учеников, а у Хуа Буюя не было базовых знаний. Обучением занимались внутренние ученики. Этого юношу звали Цзы Чэнь, он должен был направлять Хуа Буюя на Пике Цзысуй.

Хуа Буюй, несмотря на статус закрытого ученика Бессмертного владыки Тяньюань, не забыл о вежливости и снова поклонился.

Высший бессмертный Цзысуй, принципиальный человек, был против того, чтобы Цзи Цаншэн взял Хуа Буюя в закрытые ученики. Но теперь, видя вежливость и спокойствие мальчика, стал относиться к нему лучше.

После церемонии Цзы Чэнь должен был познакомить Хуа Буюя с местностью. Но сегодня был день допроса, поэтому Высший бессмертный Цзысуй сначала повёл его на трибуну.

Хуа Буюй увидел: на шее того человека всё ещё была рана от его меча. Но так как там уже

были другие повреждения, это не вызвало подозрений.

Чжэуа едва успел прибыть до начала допроса. Его лицо было мрачным. Он забрал Хуа Буюя у Высшего бессмертного Цзысуй и молча повёл обратно.

Процедуру допроса Хуа Буюй видел много раз в прошлой жизни. Но на этот раз допрашиваемым был убийца всей деревни, оставшийся в прошлой жизни безнаказанным.

Поскольку человек не мог говорить, специально вызвали священную птицу Врат Тяньюань — похожую на павлина белую феникс. Она стояла на голове преступника и говорила человеческим голосом.

Она зачитала все его преступления. Лица людей на трибуне становились мрачнее. За такие злодеяния придётся применить все наказания, существовавшие в истории Врат Тяньюань.

Священная птица, прожившая десятки тысяч лет, никогда не лгала. Это подтвердило правдивость слов Цзи Цаншэна: все семнадцать потомков клана Шэньнун погибли.

На трибуне воцарились тишина и сожаление.

Закончив зачитывать преступления, священная птица взлетела в небо и улетела.

На камне наказания появились плотные строки текста. Наказания были рассмотрены и скорректированы двадцатью двумя бессмертными. На этот раз их мнения полностью совпали — они скопировали текст и применили его.

После снятия с трибуны преступника должны были провести по Высшему миру бессмертных и миру смертных. Специальные люди зачитают его преступления, обнародовав их для всего мира.

Хуа Буюй стоял и смотрел на уходящую процессию. Вдруг он почувствовал: туман в его сердце рассеялся.

Всё было predetermined судьбой. Он вернулся слишком поздно, чтобы что-то изменить. Нельзя винить ни учителя, ни Цзи Цаншэна за то, что они пришли слишком поздно.

Хуа Буюй всегда знал эту истину. За смерть всех в деревне он винил только убийцу.

<http://bllate.org/book/17680/1648227>